

С.С. Костырева

**Заместитель директора Витебского филиала учреждения
образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО», кандидат
филологических наук, доцент**

Лингвистические пресуппозиции как основа понятийного аппарата юридической герменевтики

Статья посвящена осмыслению понятийного аппарата юридической герменевтики как раздела науки о понимании.

Ключевые слова: герменевтика, текст, смысл, пресуппозиция.

Как известно, любые исследования аспектов понимания подразумевают осуществление научного поиска в области соотношений мысли, языка и действительности.

Юридическая герменевтика как раздел науки о понимании занимается изучением проблем интерпретации юридических текстов. Юридический текст, в свою очередь, являясь объектом специального анализа юридической герменевтики, изучается также с привлечением достижений семантики, теории речевых актов, функциональной стилистики, а также ряда смежных наук – семиотики, логики, психологии и т.д.

Актуальной сегодня является необходимость рассмотрения ряда вопросов функционирования и интерпретации юридического текста в аспекте всего человеческого поведения в процессе общения, а также практической деятельности правоприменителей. Степень амбивалентности трактовки юридических текстов до сих пор остается дискуссионной.

Существует мнение, что юридическая герменевтика и есть та определенная наука, которая занимается разработкой методов и приемов, способов и техник толкования юридических норм. Так, например, назначение юридической герменевтики, как раздела науки о понимании, видится в том, чтобы «суметь за буквой почувствовать дух, владеющий автором, за знаком – его не только непосредственное значение, но и

глубинный потаенный смысл, а под ним и смысл, явно не осознававшийся самим автором – вот цель и задача герменевтически мыслящего интерпретатора» [7, с. 157].

На наш взгляд, интерпретаторам юридических текстов следует принимать во внимание получившие признание выводы лингвистов, занимающихся проблемами порождения и восприятия текстов вообще, и оперировать соответствующей терминологией. Так, поскольку информативность рассматривается нами как универсальная категория текста, то смысл является обязательным компонентом, признаком, условием текста. При этом следует отметить, что смысл может совпадать с содержанием, а также расширять или сужать содержание, или информативное поле.

Категория смысла – это основная категория герменевтики; интерпретация какого-либо языкового факта может считаться законченной, если найден, обнаружен, понят смысл этого факта. И если мы видим в фактах тот или иной смысл, то только потому, что осознанно или, чаще, неосознанно прибегаем к той или иной теории смысла.

Зародившись в трудах отечественных психологов (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия), концепция смысла проникает в лингвистику и постепенно занимает важнейшее место в семантических исследованиях. Достижения науки именно в

этой области, несомненно, позволили конкретизировать изучение отдельных ее аспектов и оказали значительную помощь в разработке научного понятийного аппарата, используемого при интерпретации текста.

Известно, что механизм образования смысла достаточно полно разработан в отношении предложения (работы В.А. Звегинцева, Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой и др.). Очевидно, что основные положения этих исследований могут быть приложимы и к изучению процесса смыслообразования текста. Несомненно, при этом следует учитывать гораздо более сложную структуру объекта исследования, а также значительно большее количество факторов (языковых и неязыковых), влияющих в этом случае на процесс смыслообразования.

Представляется, что, несмотря на определенную многозначность терминопонятия «смысл», оно необходимо при характеристике информативной стороны текста для разграничения его внешней и внутренней семантической структуры.

Приведем несколько точек зрения философов на проблему смысла вообще и смысла текста в частности. В.В. Налимов полагает: «Смысл есть сеть значений и алгоритм для нахождения неизвестных смыслов» [5, с. 31].

А.А. Брудный в работе «Психологическая герменевтика» пишет: «Смысл – это производное значение, которое имеет вещь» [1, с. 20]. Применительно к тексту можно говорить о том, что смысл – это производное значение, которое имеет текст.

Современные психолингвисты (А.А. Леонтьев, А.А. Залевская, В.А. Пищальникова) полагают, что смысл – это способ включения человеческого опыта в социальную коммуникацию. Он не существует вне системы социальных коммуникаций и открывается посредством акта коммуникации. Понимание, с этой точки зрения, является восприятием смысла, а текст – это заданное нормативом существование смысла в сфере социальных коммуникаций.

Текст рассматривается нами как не просто лингвистическое, но и социально-психологическое явление. Смысл, по Г.П.

Щедровицкому, «та конфигурация связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создается или восстанавливается человеком, понимающим текст сообщения» [8, с. 562].

В.Я. Мыркин полагает, что «Смысл – это содержание плюс интенция. Контекст – средство генерации смысла» [4, с. 93].

Очевидно, что текст есть продукт, порожденный языковой личностью и адресованный языковой личности. В основе любого текста лежит концепт, который, с содержательной точки зрения, понимается как глубинный смысл, свернутая смысловая структура текста.

Так, соглашаясь со многими исследователями проблемы смысла, содержания, информативности текста, примем следующее положение-вывод: выделим, по крайней мере, два типа семантических ценностей – содержание и смысл. Смысл – явление сложное, подвижное, постоянно изменяющееся сообразно отдельным сознаниям и для одного и того же сознания в соответствии с обстоятельствами. Применяя учение о смысле для исследования текста (в том числе юридического), приходим к выводу, что текст – это динамическая смысловая система, где взаимодействуют авторские смыслы со смыслами реципиента, воспринимающего текст, смыслами аффективными и интеллектуальными.

Следует иметь в виду, что имплицитность не допускает алогичности своих исходных посылок, так как представляют собой следствие тщательной логической обработки мысли. Таким образом, существование в тексте скрытых смыслов должно быть обозначено определенными знаками (словами с измененной семантической структурой, многозначными единицами, одновременно актуализирующими несколько значений, окказиональными образованиями, необычными грамматическими формами, видоизмененными синтаксическими конструкциями, словами с «внетекстовой» нагрузкой и т.п.). Автору юридического текста всего этого следует избегать, чтобы не создавать условий для возникновения скрытых смыслов.

Так, смыслы могут быть выраженными и невыраженными. В первом случае выраженные смыслы можно приравнять к языковым значениям, т.к. практически любой носитель данного языка получит, воспримет этого рода информацию. Знание системы языка обеспечит ее автоматическое восприятие реципиентом. В данном случае говорим о содержании текста как о выраженном смысле.

Очевидно, что скрытые, невыраженные смыслы возникают в результате разного рода нарушений языковой структуры текста, в первую очередь, изменений, имеющих «неуниверсальный характер» (контекстуальные приращения значений), и, несомненно, в результате привлечения к освоению текста внетекстовых структур (различного рода пресуппозиций).

В русле когнитивно-прагматического подхода к изучению текста очевидной становится необходимость привлечения для его анализа процессов понимания. Поскольку в самом общем виде понимание текста складывается из понимания языковых выражений (во-первых, из общего семантического значения входящих в текст единиц, во-вторых, из понимания логических связей, в-третьих, зависимости анализируемого текста от контекста – как языкового, так и неязыкового, как вертикального, так и горизонтального), при восприятии текста представляется необходимым учет разного рода пресуппозиций.

Вопрос о пресуппозициях широко дискутируется несколько десятков лет в лингвистической литературе. Понятие пресуппозиции используется разными авторами неодинаково. Мы не ставим целью всесторонне представить статус термина «пресуппозиция» в истории становления и развития его значения в логике, философии, лингвистике и т.д. Приведем лишь общие наблюдения на этот счет. Одни исследователи под пресуппозицией подразумевают адекватное ситуации использование предложения, для других оно связано с истинностной оценкой. Очень часто это понятие относят к прагматическим аспектам предложения, в других случаях пресуппозиции рассматривают как свойство лексических вхождений.

Так, пресуппозиция традиционно понимается как особая текстовая категория, ситуативный фон, обеспечивающий восприятие и понимание текста, раскрывающий связи между высказываниями и основывающийся на определенных предположениях семантики слов, словосочетаний и предложений, входящих в текст.

Мы утверждаем, что концепция множественности понимания текста не тождественна концепции произвольности толкования, так, она не должна быть безгранична, а может быть допустима лишь в известных пределах, зависящих от инвариантных значений всей структуры текста и ее элементов в их взаимодействии. Изучая текст, реципиент должен приблизиться к пониманию реально, объективно существующего смысла (выраженного и невыраженного) текста. Чтобы восприятие было истинно, то есть адекватно тексту, оно, в первую очередь должно управляться и направляться его структурой, композицией и прочей языковой материей текста.

Отметим, что при восприятии первичных образов в нехудожественных текстах субъективная и индивидуальная модификация образа определяется свойствами личности реципиента, значимостью для него содержания образов.

Утверждая, что смыслы текста (явные и скрытые), их восприятие и понимание тесно связаны с разного рода пресуппозициями, отметим, что пресуппозиция рассматривается нами в качестве общего фонда знаний автора и реципиента, на основании которого в процессе порождения, выражения и восприятия смысла осуществляется экспликация имплицитного, подразумеваемого, предназначенного для сообщения содержания. Говоря об адекватности восприятия и понимания текста, мы имеем в виду соответствие между интерпретациями текста, которые даются автором и реципиентом. Принимая во внимание тот факт, что каждый текст полипресуппозиционен, существует некий пресуппозиционный инвариант, который максимально точно соответствует содержанию текста. Данный инвариант обуславливается совокупностью знаний и

представлений автора или реципиента, а также определенной системой знаковых форм, которые служат для выражения данных знаний и представлений. Иными словами, наличие когнитивной базы обуславливает существование некоего пресуппозиционного инварианта, или инварианта восприятия текста, и потенциального инварианта восприятия любого текста. Когнитивная база является неотъемлемой частью индивидуального когнитивного пространства автора или реципиента. На пересечении их индивидуальных когнитивных пространств образуется зона общих знаний и представлений, которая и может быть названа пресуппозицией. Более того, пресуппозиция при порождении текста может предопределять семантическую структуру и коммуникативную целенаправленность текста, что при восприятии очень важно для его понимания.

Так, первичный уровень содержания, с которым сталкивается реципиент, заключается в естественном языке, на котором написан юридический текст. Почти всегда слова естественного языка приобретают смысл, не равнозначный их внеконтекстному словарному значению. Чтобы восприятие было истинно, т.е. адекватно тексту, оно должно управляться его структурой. Тем самым смысловая структура текста и знаковая форма его представления (объем, синтаксис, язык) выполняют организующую роль в формировании смысла текста в сознании реципиента. Знаковая форма текста является фундаментом для представления реципиента о его содержании, в основе которого – владение значением слов, входящих в понимаемое выражение.

В юридическом тексте авторами должна быть максимально исключена скрытая информативность (имплицитность), основанная на создании «проблемной ситуации» в языковой ткани текста, вызываемая сочетанием, взаиморасположением ячеек – однозначных смысловых блоков и имплицитов.

Таким образом, под лингвистическими пресуппозициями будем понимать знания языковой действительности, знания особенностей языка, парадигматических

отношений в его системе, знание графических и суперсегментных средств, актуальных для порождения, выражения и восприятия скрытой информации. При таком подходе лингвистическая пресуппозиция описывает два разных явления. С одной стороны, это информация, позволяющая восприятие реципиентом «нормативного» лингвистического смысла. Этот процесс характеризуется как спонтанный, автоматический. С другой стороны, восприятие реципиентом разного рода отступлений от нормы. Этот процесс сознательный и рефлексивный.

Реципиент видит текст как сочетание линейной (от лат. *linearis* – линейный) и супралаinearной (от лат. *supra* – над, выше; *linearis* – линейный) информации [2, с. 45 – 46]. Картину мира составляют не только: а) значения, облеченные в готовую (фиксированную) языковую форму, но и б) значения, извлекаемые из языковых форм и затем абстрагированные на этой основе. Эти значения составляют фундамент языковой картины мира [6, с. 142 – 143].

Источниками, порождающими амбивалентность интерпретации юридического текста, могут стать: использование неизвестных «терминов» (содержание используемого в законе словосочетания или слова (псевдотермина) неизвестно субъекту применения норм права, например, «одинокая мать»), пренебрежение нормами логистики как науки об изложении и оформлении нормативных актов, игнорирование возможности словесного толкования нормы в целях установления ее буквального смысла, превалирование экстралингвистических факторов над лингвистическими при интерпретации текста, создание авторами текста условий для порождения подтекста [3].

Таким образом, процесс актуализации универсальных лингвистических пресуппозиций, а также минимизация индивидуально-авторских пресуппозитивных компонентов – основа создания и восприятия юридического текста, онтологической характеристикой которого признается инвариантность трактовки.

Библиографический список:

1. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. – М.: Лабиринт, 1998. – 336 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
3. Костырева С.С. Как тайное становится явным: феномен подтекста: монография / С.С. Костырева; ВФ УО ФПБ МИТСО. – Витебск, 2011. – 184 с.
4. Мыркин В.Я. Текст, подтекст и контекст // Вопросы языкознания. – 1976. – № 2. – С. 86 – 93.
5. Налимов В.В. Спонтанность сознания. – М.: Прометей, МГПИ им. Ленина, 1989. – 287 с.
6. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
7. Шульга Е.Н., Проблема герменевтического круга» и диалектика понимания // Герменевтика: история и современность: критические очерки. М.: Мысль, 1985. С. 157.
8. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Наука, 1995. – 594 с.

©Костырева С.С., 2017